

У Юй Шанчжи ныло во лбу и затылке одновременно. Он пребывал в полубессознательном состоянии, с трудом приоткрыв глаза. Даже так, он всё же уловил, как сильно недовольство сквозит в словах Вэнь Ецай.

Прошло порядочно времени, прежде чем он окончательно пришёл в себя после накотившего головокружения, хрипло спросив:

— Мы уже дома?

Вэнь Ецай держался за голову, подозревая, что от удара у него череп теперь весь в трещинах. К вечеру наверняка вылезет здоровенная шишка.

Его голос прозвучал ещё злее:

— Дома? Ты в чей дом собрался? Не строй из себя близкого человека! Думаешь, раз поранился, так теперь все старые счёты можно вычеркнуть? Нет уж, таких удобных сказок на свете не бывает.

Юй Шанчжи и не ожидал, что Вэнь Ецай так легко отложит подозрения в сторону — он ведь никогда не был тем, кто позволит вертеть собой как угодно.

— А извозчик Ли-эр и сваха?

Вэнь Ецай фыркнул:

— Та старая ведьма ударила тебя так, что кровь пошла. Я в панике повез тебя в лечебницу и попутно связал их обоих травяной верёвкой. Сдал патрульному стражнику. Пока ты был без сознания, меня уже вызвали в ямен — допрашивали. Они оба сознались: сперва хотели просто выманить немного денег, а потом, узнав, что у нас при себе, может быть, с десятков лян, перешли на откровенный грабёж. Сваха и Ли-эр сцепились между собой, валят вину друг на друга, но разве у ловцов из ямена найдётся терпение слушать, кто прав? Каждому всыпали по сорок палок, вдобавок оштрафовали и велели покрыть расходы на твоё лечение у врача.

Он опустил глаза, украдкой взглянув на Юй Шанчжи, и подумал про себя: этот маленький лекарь, возможно, и не так уж плох по натуре, просто уж слишком невезучий. В первый раз он инсценировал собственную смерть, чтобы сбежать со свадьбы — чуть не погиб, да к тому же отравлением повредил себе зрение. Во второй раз, тайком от него, задумал всё уладить с двумя алчными мерзавцами, и в итоге вновь оказался с разбитой головой.

Однако...

Вэнь Ецай машинально потёр пальцы, его сердце наполнилось смешанными чувствами.

Ведь тогда Юй Шанчжи пострадал, пытаюсь спасти его. Всё-таки, если бы он хотел всего лишь обманом пролезть в семью Вэнь, жить на его шее — действительно ли стал бы ради этого так рисковать?

Когда его привезли в лечебницу, даже местный лекарь сказал, что если бы удар пришёлся чуть сильнее, его не спас бы и сам Великий Бессмертный.

И всё же — попытка побега из-под венца, как ни крути, оставалась занозой в его сердце. Вэнь Ецай не умел держать чувства в себе, и прямо высказал то, что гложет, пусть голос его звучал и неуверенно:

— Эй, зачем ты меня спас? Ведь ты знал, что я уже разоблачил твою уловку и хочу, чтобы ты вернул деньги и разорвал помолвку.

Даже несмотря на болезненный вид Юй Шанчжи всё равно выглядел так же кротко и мягко, как всегда.

— Потому что в моём сердце ты уже мой супруг. Как же я мог тебя не спасти?

Взгляд Вэнь Ецай скользнул по повязке на его голове, по бледному лицу, по потрескавшимся губам. Вспоминая день свадьбы, тот самый первый, этот молодой лекарь выглядел точно так же — если не хуже.

После того в течение десятка дней ему без конца варили целебные отвары, хорошо кормили и поили, хоть как-то выхаживали — худо-бедно, а лицо приобрело немного живого цвета. А теперь он снова вернулся к прежнему виду.

Но это и называется “болезненная красота” — какая бы болезнь его ни коснулась, она не в силах скрыть такую внешность.

— Слепой, а всё равно кинулся вперёд, ничего не видя. А ты хоть понимаешь, что если бы рука той старухи сдвинулась на цунь в сторону и удар пришёлся бы в другое место, ты уже лежал бы в земле — со своим наставником рядом. Уж у меня-то грубая кожа и толстая плоть, удар выдержал бы, и ничего. А теперь выходит, что я снова у тебя в долгу за жизнь.

Говоря это, он словно машинально отвёл взгляд, посмотрел в сторону — на холодную, бледную и пустую стену.

Юй Шанчжи ни на миг не заколебался — он слегка покачал головой.

— Ты мне не должен. Первый раз, когда ты был отравлен змеей, я был врачом — спасти тебя было моей обязанностью. Во второй — ты пострадал из-за меня, и я спас тебя по справедливости.

Улыбка Вэнь Ецай вышла блеклой, с горечью.

— Я думал, ты попытаешься воспользоваться этими двумя случаями, чтобы надавить на меня. Всё ж, как говорится, за спасение жизни полагается платить телом.

Но Юй Шанчжи оставался невозмутим.

— Я же чжусюй, входящий в дом жены. Так что если уж кто и должен “отплатить телом”, то это я тебе, а не ты мне.

Вэнь Ецай поперхнулся словами и, махнув на всё рукой, просто снова отвернулся. Чувствуя, как между ними нависает странное напряжение, он решительно поправил Юй Шанчжи одеяло, встал и собрался уйти.

— Это уездная лечебница, дежурный врач сказал, что тебе сегодня не следует трястись в пути. Так что оставайся тут на ночь. Полежи спокойно, я выйду — посмотрю, не готово ли лекарство.

Но едва он поднялся, как краешек его одежды оказался перехвачен. Он опустил глаза — тонкие, похожие на побеги весеннего лука пальцы зацепились за ткань.

Голос молодого лекаря, будто доносящийся сквозь усталость, был слаб, но твёрд:

— А-Е, не уходи... Я хочу с тобой поговорить.

Прошло уже немало времени с того момента, как он очнулся, и следы снов постепенно рассеялись. Лишь образ деда и его напутствие оставались в памяти отчётливыми и неизгладимыми.

Юй Шанчжи непроизвольно задумался: пусть это и был всего лишь сон, но если бы дед действительно встретил Вэня Ецай, возможно, он и впрямь остался бы им доволен. Ведь теперь у него в этом чужом мире появился человек, с которым он мог бы пройти всю жизнь. Появился дом. Семейный долг больше не был бременем, давящим на плечи, — в этой жизни он мог жить так, как сам хотел, выбирать ту судьбу, которая ему по сердцу.

.....

Вэнь Ецай, поколебавшись, всё же вернулся и снова сел. История про то, что он вышел проверить лекарство, была всего лишь предложением. Раз уж они в лечебнице, да ещё и деньги заплачены, за отварами присмотрят аптекари — как только лекарство будет готово, его принесут.

А на самом деле он ушёл потому, что на мгновение растерялся, не зная, как быть с Юй

Шанчжи, как говорить с ним, как вести себя рядом.

— Есть что сказать — говори, — хмуро бросил он. — Только смотри у меня, чтобы только чистую правду.

Произнеся это, он демонстративно скрестил руки на груди и с шумом уселся у кровати, совершенно не подходя к образу мягкого и внимательного спутника жизни, каким представляют себе идеального гера.

В комнате воцарилась тишина.

Юй Шанчжи же уже твёрдо решил: он расскажет всё. Некоторые вещи можно скрыть на время, но не навсегда. Неожиданное появление Ли-эра и свахи стало тому ярким подтверждением.

Если два человека решили связать судьбы навечно, то чем дольше тянется ложь, тем больнее будет её раскрытие.

И потому Вэнь Ецай услышал затем признание, которое иначе как невообразимым и назвать было нельзя. Юй Шанчжи начал рассказ с собственной смерти, а затем поведал о своей прошлой жизни. В его речи мелькало множество слов, которые Вэнь Ецай никогда в жизни не слышал, — будто всё это исходило из иного мира. И вот, наконец, дошло до самой сути — главы под названием «занять тело, чтобы вернуть душу».

Вэнь Ецай резко встал, судорожно сглотнул и с нескрываемым потрясением уставился на Юй Шанчжи:

— Ты хочешь сказать... ты вообще не тот, прежний Юй Шанчжи? Ты человек, что уже раз умер?

Юй Шанчжи, заранее решив не утаивать ни слова, молча кивнул. Вэнь Ецай вновь провёл рукой по своей голове, думая, что, может, не Юй Шанчжи, а он сам получил по голове слишком сильно. Но он-то был уверен: с рассудком у него полный порядок, мыслит он ясно, и потому просто не мог вот так запросто поверить в эти странные, похожие на небылицы рассказы.

А вдруг тот всё ещё просто водит его за нос и душит голову?

— Я не знаю, из какой книжонки ты вычитал эту байку, чтобы душить меня, — сказал Вэнь Ецай, — днём я узнаю, что ты вовсе не относился ко мне искренне, а только строил хитроумные счёты, а ночью ты мне заявляешь, что ты вообще не человек, а душа из иного мира, вселившаяся в тело.

Говоря это, он сам невольно усмехнулся — от злости. Пусть он и знал, что Юй Шанчжи спас ему жизнь, но горечь от обмана по-прежнему давила в груди и не находила выхода.

— Юй Шанчжи, по-моему, тебе не целителя надо изображать, а в сказители податься!

Реакция Вэнь Ецая несколько не удивила Юй Шанчжи — он и сам понимал, что в глазах Вэня его слово ничего не стоит. Если бы не внезапный удар старой свахи и то, как он, не раздумывая, прикрыл Вэнь Ецая собой, скорее всего, тот уже давно вернулся бы в деревню, и ему не было бы дела до того, жив он или мёртв.

Разве что... если бы удалось привести весомые доказательства.

— Я знаю, ты не поверишь с одного слова. Но у меня есть способ доказать. Я обладаю воспоминаниями прежнего хозяина этого тела. Мы с ним совершенно разные люди. Он был ленив, невежествен, страстно любил азартные игры. Прежний Юй Шанчжи — ученик того самого Цинь-ланчжуна из деревни Баньпо, это правда. Но в деревне все знали: если надо лечиться — жди, когда сам Цинь-ланчжун вернётся. А его приёмш, которого он воспитывал как сына, и травы-то путал, и толку от его лечения не было никакого.

Он поведал многое, но всё свелось к одному.

— Если не веришь, можешь сам поехать в деревню Баньпо и расспросить местных, каким был тот Юй Шанчжи, которого они помнят, — тихо сказал Юй Шанчжи. — Сравнишь с нынешним мной. Человек не может в одночасье измениться до неузнаваемости, даже если будет нарочно притворяться — кое-что всё равно не скроешь.

Вэнь Ецай на некоторое время замолчал.

Даже не беря в расчёт остальное — одно только благородство в осанке, тонкость и неторопливая уверенность в манерах Юй Шанчжи... Никак не вяжутся с образом мальчишки, выросшего среди нищих, подобранного каким-то деревенским костоправом и всю жизнь прожившего в глухом углу без света и учения.

Но если принять на веру, что прежняя душа была богатым сыном из другого мира... Всё вдруг обретает смысл.

Он невольно перевёл взгляд.

Лицо Юй Шанчжи в свете свечи казалось почти нереальным. Огонь свечи играл тенями, мягко скользя по ресницам, по носу, по линии губ — как будто кто-то вырезал его из самого чистого нефрита. У Вэнь Ецая в горле пересохло. Он вспомнил, как с первой же встречи был ослеплён его красотой, как в голове у него даже промелькнула мысль, что вот бы взять такого домой и родить от него парочку детей...

В душе он невольно признал: не зря же в народе говорят, что красота — беда. Есть в этом доля правды. Он всегда считал себя прямым и беззаботным человеком, но именно в вопросе с Юй Шанчжи оказался неуверенным, медлящим, постоянно топчущимся на месте. С кем угодно другим он бы уже давно разобрался — либо хорошенько врезал, либо выгнал в шею. А тут вот сидит, чинно выслушивает какую-то сказку.

Он долго размышлял, прежде чем принять решение.

— Завтра ты, скорее всего, всё равно не сможешь встать. Так что оставайся здесь, в медпункте, и отдыхай. А я — как ты и сказал — съезжу в эту деревню Баньпо, посмотрю, что из твоих слов правда, а что враньё.

Юй Шанчжи чуть улыбнулся:

— Я так и знал, А-Е, ты — человек разумный.

Вэнь Ецай судорожно вдохнул.

Разумный? Да вся деревня Селю знает, что с Вэнь-гером лучше не спорить: норов резкий, кулак тяжёлый, ни о какой «разумности» и речи не идёт!

— Ха, убери свои красивые словечки. Завтра поеду — и если всё окажется не так, как ты тут расписываешь, сам потом пеняй на себя, — голос Вэнь Ецай был холоден, как вода из колодца.

— Если уж и дойдёт до расторжения брака, — он фыркнул, — то, ладно, за то, что дважды мне жизнь спас, двадцать лян долга можешь не возвращать полностью. Я тебе немного скину.

Сумму в шестьдесят лян, изначально предназначенная на покупку скота и помощь семье Вэнь, Юй Шанчжи и впрямь давно уже вычеркнул из памяти. Потому, услышав слова Вэня, он вовсе не удивился и всерьёз на этом не заикнулся. Поняв, что ситуация хоть немного, но сдвинулась в сторону примирения, он облегчённо выдохнул и, словно что-то вспомнив, спросил:

— Ты ведь сегодня останешься со мной в городке? А как же Эрню и Санья?

Вэнь Ецай не ожидал, что Юй Шанчжи в таком состоянии ещё беспокоится о детях. Подумав, как тот заботился о братишке и сестрёнке последние дни, сам невольно смягчил голос:

— Я, как тебя устроил в лечебницу, тут же пошёл к брату Циншую и его супругу, велел, чтобы больше не ждали. Попросил передать тете Цуйфэнь, чтоб помогла сегодня приглядеть за этими двоими. Ах да, лекарство для Циншуй-сао я тоже по рецепту собрал и доставил.

Юй Шанчжи, видя, что всё улажено, слегка кивнул:

— Выходит, опять из-за меня тебе столько хлопот.

Вэнь Ецай отмахнулся, будто не желая развивать тему:

— Хорошо хоть у здешнего судьи совесть есть: велел тем подонкам, свахе Хуа и Ли-эру, возместить тебе плату за лечение. А не то ты бы только-только заработал — и тут же все серебро обратно в аптеку отнес.

Юй Шанчжи заметил, как тот увиливает от разговора, и лишь слегка улыбнулся, не сказав ни слова. Вэнь Ецай сейчас только и чувствовал, как раздражает его эта невозмутимая манера, потому отвернулся, чтобы не видеть.

Спустя некоторое время в комнату заглянул ученик лекаря и принёс отвар. Юй Шанчжи принял чашу и выпил всё до дна, лицо его сразу болезненно скривилось от горечи.

Человек ведь странное существо: от роскоши к скромности вернуться куда труднее. Раньше, живя у себя дома, он пил горькое лекарство безо всякого подсластителя и не чувствовал особого дискомфорта. Но стоило привыкнуть, что после каждой горечи следует сладкий цукат, как терпеть вкус одной только горечи стало почти невозможно.

Он сжал губы, весь лоб у него сморщился, черты лица будто слиплись от горького привкуса. Он уже смирился с мыслью, что теперь придётся просто терпеть, как вдруг ощутил прохладу у губ. Инстинктивно приоткрыл рот, и в щель между зубами ловко проскользнул кусочек цуката.

На этот раз, кажется, не сушёный абрикос, а засахаренный персик.

Сладость, будто родник ранней весной, мягко растеклась по груди, оставляя после себя тепло и спокойствие. Он медленно жевал, с неохотой проглотил и облизнул губы, словно не мог насытиться.

— Спасибо, А-Е. — негромко сказал он.

Ресницы его мягко изогнулись, а отблеск свечи промелькнул в глубине зрачков, снова коснувшись самой глубины души Вэнь Ецай.